

«СКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН ВЫЛЕЧИЛ БАБКУ АГРАФЕНУ» ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ И ЕЕ СМЫСЛЫ¹

В публикации актуализируется обозначившаяся в 1920-е гг. проблема поиска путей и форм диалога между большевистской властью и деревней. Перевод на понятный крестьянину язык идеологических установок нового политического режима потребовал наладить «разговор» с деревней, что привело к увеличению числа самоописательных нарративов сельчан. Наряду с этим, однако, стали появляться и псевдо-фольклорные произведения, созданные профессиональными литераторами. Как показано на примере одного из них, «Сказа о том, как Ленин вылечил бабу Аграфену», функционал таких историко-литературных мистификаций состоял, помимо прочего, в формировании посмертного мифологизированного образа В.И. Ленина. Анализ ретроспективного источника показывает, что к середине 1920-х г. этот образ в целом уже был очерчен, но при этом недостаточно убедителен в своих деталях. Будучи феноменом переходного периода, «Сказ...» запечатлел невозможную позже травестию сакрального и профанного, а также недоформулированность актуальных и перспективных агитационных установок. Кроме того, ретроспективный источник интересен и важен как олицетворение предчувствия близкой тотальной советизации крестьянского мира, идеи которой уже просочились в публичное пространство.

Ключевые слова: эго-источники, крестьянский мир, «народная письменность», историко-литературная мистификация, псевдофольклор, модернистская эстетика, культ Ленина, религиозный дискурс

Письма, дневники и воспоминания российского крестьянства первой половины XX в. явно не относятся к числу малоизвестных эго-источников². Преумножению их в 1920–1930-е гг. напрямую способствовала изменившаяся политическая ситуация в стране, требовавшая как переосмысления, так и добавления категорий и символов, которыми оперировала деревня. Историки советской культуры отмечают, что в этот период «делается попытка с помощью фольклора понять тот *регистр языка, на котором надо говорить с народом*; этим он оказывается интересен как теоретикам, так и практикам нового мира»³. Новый, большевистский режим, пытаясь найти подход к неграмотному и малограмотному крестьянству, прежде всего посредством перевода своих пропагандистско-идеологических установок на понятный крестьянину язык, не только присматривался к деревне, но и активно пытался «раз-

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» (рук. Н.В. Суржикова).

² См., об этом, напр.: Дневник тотемского крестьянина...; Дневные записки усть-куломского крестьянина...; Йокояма 2014; На разломе жизни...; Тепцов 2002; и др.

³ Архипова, Неклюдов 2010 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html>)

говорить» деревню, чтобы узнать и понять ее язык. Все это вело к увеличению числа самоописательных опытов сельчан.

Воплощением встречного интереса традиционно закрытой и пока еще готовой к диалогу с новой, советской властью деревни стала «Крестьянская газета», основанная 25 ноября 1923 г. в дополнение к издававшейся с 1918 г. газете «Беднота». «Газета должна освещать крестьянскую жизнь, практически помочь крестьянству разобраться в вопросах хозяйственных, земельных, судебных и др. ...осветить крестьянству весь смысл происходящих мировых событий и их тесную связь с жизнью нашей Республики», – писал М.И. Калинин, приветствуя в первом номере «Крестьянской газеты» ее читателей⁴. Следуя этому призыву, изначально нацеленная на превращение крестьянина в читателя и корреспондента, газета активно развивала селькоровское движение, используя его и как канал мониторинга, и как инструмент контроля настроений негородского населения. Как результат, уже к сентябрю 1925 г. с газетой сотрудничало 5 тыс. селькоров (в том числе: 3843 – из РСФСР, около 400 – с Украины и более 150 – из Белоруссии)⁵, а современникам авторитетные авторы объясняли, что именно «селькор – это слиток деревни. И деревня имеет лучшего своего знатока [в лице] селькора»⁶.

Стоит ли удивляться, что именно селькоры «Крестьянской газеты», получившей в 1924 г. более 240 тыс. писем⁷, в июле 1925 г. оказались в центре весьма ответственной кампании по сбору воспоминаний о революции 1917 года на селе. Известно, что в результате ее проведения «Крестьянская газета» получила порядка 500 откликов из 57 губерний и 225 уездов. 85 таких откликов, т.е. менее 20%, впоследствии были отобраны для публикации в вышедших во второй половине 1920-х гг. сборниках документов⁸. В массе своей не соответствующие властному заказу остальные крестьянские рассказы о революции в конце концов были сданы в архив⁹, в дальнейшем представляя интерес лишь для профессиональных историков¹⁰. Историки, однако, так и не удостоили материалы «Крестьянской газеты», 82,2 % которых приходится на письма¹¹, комплексного фронтального исследования, причем даже в постсоветский период, когда идеологические конвенции ушедшей эпохи утрати-

⁴ О партийной и советской печати... С. 283.

⁵ См.: РГАЭ. Ф. 396: Редакция «Крестьянской газеты». Оп. № 1–11: Предисловие к ф. 396 Редакция «Крестьянской газеты». Л. 5.

⁶ Панферов 1926. С. 15. Цит. по: Красная новь... С. 8.

⁷ См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. № 1–11: Предисловие к ф. 396... Л. 7.

⁸ См.: Война крестьян с помещиками...; Революция в деревне...; 1917 год в деревне... Об истории создания этих сборников см.: Кабанов 1986. С. 182–187.

⁹ См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 758, 764, 765.

¹⁰ См., напр.: Голоса крестьян...; Крестьянские истории...; Лившин 2002; Письма смоленских крестьян... 2011; и др. См. также: Кознова 2005; Кузнецов 1996; и др.

¹¹ См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. № 1–11: Предисловие к ф. 396... Л. 9.

ли силу, а интерес к несоответствующим этим конвенциям документам резко возрос. Современными исследователями письма сельчан в «Крестьянскую газету» стали интерпретироваться главным образом как «наивные тексты», атрибутивно значимым признаком которых является гетерогенность нарративных и символических форм.

Свидетельства крестьян, поступившие в «Крестьянскую газету», действительно безыскусны даже внешне, поскольку не просто написаны от руки, но и в массе своей лишены признаков сколько-нибудь глубокого знания их авторами правил орфографии и пунктуации. Незатейливые элементы декора, включенные в текст (рамки, волнистые линии), придают посланию сходство с картиной, где автор размещает себя и своих героев, пользуясь непривычным ему письменным вербальным кодом. Отсылкой к миру крестьянства, в котором локальная идентичность еще явно преобладала, также можно считать и то, что практически каждый селькор неизменно подчеркивал, зачастую многократно, свою принадлежность к определенному месту жительства, точке на карте страны, а не к стране как таковой¹². Все это, однако, не означает, что корреспонденция, отложившаяся в фонде «Крестьянской газеты», архаична и однородна. Высказать такое предположение позволяет, в частности, сохранившийся в том же фонде документ с интригующим названием «Сказ о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену». Он зримо отличается от других, но вовсе не тем, что напечатан на машинке. Этот текст «безместен», он оставляет читателя в неведении по поводу того, где находятся упоминаемые в источнике дважды дальние Пахомки, и где А. Юрцевым¹³ был написан или записан сказ о путешествии бабки Агафьи в Москву, к Ленину. Больше того, детали, которые могут быть истолкованы как приметы послереволюционного времени (Петька-комсомолец, «союз рабочего с крестьянством», антирелигиозная риторика, борьба с неграмотностью в деревне), в «Сказе...» легко распознаются, но не носят выраженного конкретно-исторического характера. Это, скорее, образы и попытки их научного комментирования лишены смысла просто потому, что комментарии не позволяют ничего уточнить. Такую особенность «Сказа...» можно объяснить жанровой спецификой данного источника, напоминающего полуфольклорное-полулитературное произведение¹⁴.

¹² См., напр.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 765. Л. 235.

¹³ «Живая», рукотворная подпись А. Юрцева в документе отсутствует. Вполне возможно, что в документе использовался псевдоним, но возможно и то, что создателем «Сказа...» был литератор А. Юрцев, позднее, в 1927 г., составивший вместе с М. Афониным сборник воспоминаний (см.: На фронт и на фронте...). Эту версию подтверждает интерес автора к феномену «народной памяти», сочетанию имитации народного слова с идеологически верной интерпретацией тех или иных событий.

¹⁴ О бытовании подобных источников см., напр.: Богданов 2009. С. 102–110; Иванова 2002; Русский политический фольклор...; Фольклор России...; и др.

Современному читателю, незнакомому с литературной жизнью послереволюционного периода, «Сказ о том, как Ленин вылечил бабу Аграфену» действительно может показаться образцом «народной письменности». Но это впечатление обманчиво, поскольку ретроспективный источник явно создан начитанным автором в рамках современных образчиков 1920-х гг., прослеживаются устойчивые тенденции профессиональной словесности того периода¹⁵. Это лучше всего демонстрирует установка на своеобразно оформленный полифонизм (многоголосие) – прием, который, как тогда считалось, позволяет наиболее органично передавать «язык улицы»:

Рожи расползались в улыбку.

– факт он нашин[.]

– факт такой он с нами[.]

– ладный парень, землеродный[.]

– хорошо зерно на поле[.]

Петька дальше махом:

– А сейчас он помер. И недавно.

Говорить не дали. Загодели. Гудом:

– БРЕШЕШ[.]

Реплики отдельных персонажей, которые проявляют себя в тексте только через слово (коллективный портрет «массы» обозначен словом «рожи»), записываются здесь «в столбик» и отделяются друг от друга тире не случайно, а для того чтобы указать на нового говорящего. Также не случайна и «игра» с заглавными и строчными буквами, призванная передавать тон и силу разных голосов. В результате создается впечатление спонтанной речи перебивающих друг друга людей, совокупно формулирующих мысль и выражающих общий настрой.

Отрывочность устной речи, ее многочисленные неправильности, связанные со статусом говорящих, призваны подчеркнуть подлинность народного полилога. Но в тексте «Сказа...» различимы и другие приемы, усиливающие экспрессивность речи:

– Нашему, земляному не поверить?

– Этот не соврет и не обманет[.]

– Потому что большелобый[.]

– Сердцелобый[.]

– И ученый.

Ритм приведенного отрывка – и это типично для «Сказа...» в целом – подчеркнут специфической записью, делающей прозаический текст похожим на поэтический (см. также: «Нанизала как на нитку рыбу – речи»; «И призвал к восстанью, против кучки зубров, что большую землю топчат, рвут на части. Давят, кровь сасут из работеев» и т.п.).

¹⁵ Об этих тенденциях см. подробнее: Беляя 1977; Мущенко 1978. С. 181–221; и др.

Ритмизованность «Сказа...»), а также многочисленные инверсии, анафоры и сложные эпитеты («сердцелюбый», «большелобый» и т.п.) – все это указывает на то, что данный текст написан в традиции т.н. «орнаментальной прозы», для которой характерна «повышенная ощутимость повествовательного текста как такового. Между тем за этим понятием скрывается не сугубо стилистический, а структурный принцип, проявляющийся как в тексте, так и в самой повествуемой истории»¹⁶.

В содержательном плане «Сказ...») является характерным для словесности 1920-х гг. эклектичным текстом, в котором соединяются «народный» взгляд на жизнь и отчетливая идеологическая заданность, неминуемое противоречие между которыми сглаживает почти барочная вычурность словесного оформления. Главная задача «Сказа...»), как и других подобных произведений, без сомнения, состояла в создании посмертного мифологизированного образа первого руководителя советского государства. Будучи приоритетной для советской печати второй половины 1920-х гг., она решалась по-разному¹⁷, в том числе и посредством использования жанровой формы сказа, служившей для передачи народной точки зрения на происходящее¹⁸. Но в нашем случае, повествуя о «хождении» бабки Аграфены к ленинскому мавзолею, «наивный рассказчик» если и имел в виду народную точку зрения, то явно не в первую очередь. «Сказ о том, как Ленин вылечил бабушку Аграфену» был призван выполнять прежде всего пропагандистскую функцию, о чем недвусмысленно свидетельствуют: а) рассказ о создании партии «большелобых парней», о советах как форме государственного устройства, о роли в современной истории неназванного по имени Маркса («Показал он на картине деда, бороду носил что как кудряву рошу роздал по сердцам всем») и Ленина; б) объяснение разницы между культом святых и почитанием Ленина; в) призыв к крестьянам обращаться со своими болезнями в государственные больницы.

Вместе с тем «Сказ...»), имитируя несказочную прозу, оказывается сориентирован на передачу достоверной информации. Его основная сюжетная пружина – болезнь бабки Агафьи («болушка большая в поянице»), которая отправляет ее сначала в паломничество по монастырям, а потом приводит в мавзолей к Ленину, после чего происходит чудесное исцеление главной героини повествования. Жизнь Аграфены – от «смелюги» Агашки до бабки Агафьи – выстроена в соответствии с типичной для литературы 1920-х гг. схемой, в рамках которой всячески подчерки-

---

¹⁶ Шмид 2003. С. 261.

¹⁷ См. об этом: Богданов С. 194–217; Панченко 2005; Тумаркин 1997; и т.п.

¹⁸ См. тексты о Ленине и их интерпретации в 1920–1930-е гг.: Азадовский 1934; Акульшин 1925; Гринкова 1936; Пясковский 1930; Сейфуллина 1924; Хандзинский 1925; Хлебцевич 1924; и др.

ваются тяготы жизни простого народа при царизме. Но такая схематизация мало влияет на достоверность рассказа, в то же время объясняя, почему одним из ведущих в тексте «Сказа...» оказывается *религиозный дискурс*. «Обида на бога», ссора с ним, так и не пославшим Аграфене избавления от тягот и болезни, не ведут к изменению типа ее сознания. Оно остается религиозным, взывая к авторитету нового святого – Ленина. В «Сказе...», таким образом, очевидна подмена в религиозном дискурсе: на пустыющее место Бога примеряется Ленин, на место обитания Бога – Мавзолей как утверждаемый заново центр мира, на место Священного Писания – газета. Рассмотренный в таком ключе текст «Сказа...» обнаруживает свое сходство с апокрифической литературой 1920–1930-х гг., допускавшей бесконфликтное соседство образов советских политических лидеров (Ленина и Сталина) с христианскими святыми и выступавшей прежде всего в качестве формы осмысления происходящего в стране на языке, понятном большинству родившихся до революции граждан¹⁹. Кроме того, текст развивается настолько же в жанре «хождения», насколько следует популярному в 1920-е гг. дискурсу о санитарной гигиене²⁰. Ленин дарует-таки исцеление Агафье, но непрямым путем: бабушка обретает излечение не от мощей/мумифицированного тела Ленина, но от системы больниц, выстроенных в советской стране по заветам вождя: «Сам и он не лечит. Но он дал всему народу: лечебницы, больницы. Там вот вылечат твою большую поясницу».

В целом же оценка Ленина, данная в тексте «Сказа...», размыта и неопределенна: с одной стороны, он подчеркнута «не-святой», «человечий» («Но не бог он, просто умный»), с другой – он «не воняет», тело его не предается тлену, что в народном сознании было одним из признаков святости и напоминало о еще незабытой истории с канонизацией Серафима Саровского 1903 г. При этом характерно, что в «Сказе...» из биографии В.И. Ульянова-Ленина для агиографического канона отбираются именно те факты, которые позже станут, многократно повторяясь, неперемненными элементами советской ленинианы (например, сюжет о большой дружной семье Ульяновых: «Жили кустом, дружно. Никого не обижали. И их любили крестьяне – простые такие, наши, родные»).

Предваряя публикацию «Сказа о том, как Ленин вылечил бабу Аграфену», необходимо подчеркнуть, что сегодня этот источник интересен, в первую очередь, как феномен переходного периода, когда процесс канонизации образа вождя еще далек от завершения, но ситуация его смерти в идеологически верном ключе в целом уже определена (в частности, В. Маяковским в 1924 г. уже написана поэма «Владимир Ильич Ленин», аккумулирующая основные элементы образа Ленина,

¹⁹ См. об этом, напр.: Быкова 2013. С. 130; Апокрифические тексты... С. 76–77.

²⁰ См. об этом, напр.: Орлова 2007.

ставшие впоследствии расхожими характеристиками-клише). Будучи феноменом переходного периода, «Сказ...» запечатлел невозможную позже травестию сакрального и профанного («Ленин не подгадит»; «что лежит он в мавзолее, не гниет он[,] не воняет – он святой», интригующий эпизод с подтягиванием бабкой юбки у тела покойного вождя), а также недоформулированность агитационных установок, которые пока только осторожно нащупываются и апробируются:

– ЛЕНИН УМЕР, ЭТО ПРАВДА. НО ЖИВЕТ ОН С НАМИ, В КАЖДОМ [ИЗ] НАС
 КТО СЕЕТ,
 КТО КУЕТ,
 В КАЖДОМ ЛЕНИН РАБОТЕЕ.

Помимо того, «Сказ о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену» примечателен еще и потому, что он, очевидно, являлся одним из первых опытов создания «фольклорных текстов» о советском строе профессиональными литераторами. В этом смысле настоящий документ может рассматриваться не только как свидетельство активной политизации литературы, которая всегда в той или иной мере политизирована, но и как предчувствие близкой тотальной советизации деревни.

Источник публикуется полностью, без изъятий, под авторским заголовком. Текст воспроизводится максимально близко к оригиналу, с сохранением авторского стиля, лексики, орфографии и пунктуации. Недостающие части слов и знаки препинания вставлены только там, где они необходимы для облегчения восприятия и понимания. Явные опечатки исправлены и оговорены в археографических примечаниях. Пометы, исправления и пр. особенности текста также прокомментированы в археографических примечаниях.

СКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН ВЫЛЕЧИЛ БАБКУ АГРАФЕНУ²¹²²²³

Семьдесят лет бабке, семьдесят лет на свете живет Агафья. Семь человек детей приехала да от них внучат не перечить колько.

– Бабка, помирать пора[, –] кажут бабке Агафье²⁴ все чаще. А бабка сплонет, повернется в угол, а если на воле [–] к солнцу, крестом обложет и скажет:

– Э милый. Семь десятков прожила и еще поживу. Все и мне кусочек остался бают. Хватит на всех. Свет то он как велик. Зачем помирать то милый, здесь²⁵ хорошо[,] родный.

²¹ Заголовок подчеркнут машинописным способом.

²² В левом верхнем углу страницы рукописная помета *Архив*.

²³ В правом верхнем углу каждой из семи страниц документа от руки проставлены их порядковые номера в формате *1 стр, 2 стр* и т.д.

²⁴ Заглавная *А* вписана от руки поверх машинописной строчной *а*.

²⁵ *Здесь* впечатано над строкой вместо зачеркнутого от руки слова *нрбз*.

Не хочется помирать бабке, не хочет помирать старая Агафья. Дышет. Еще²⁶ живет.

Все-б хорошо было бабке, если не одно горе Агафьи старой; – большое горе. Болюшка большая была в пояснице у бабке Агафьи – чем других изводила²⁷. Кряхтит в непогоду, кряхтит старая – очень уж боль-то большая²⁸, стойная.

– Бабка, не кряхти старая, – душу как жилу тянеш [.]

– А как не хряктеть-то милый. Болюшка в поясничку стала; оот²⁹ какая боль-то[.] – разводит руками.

– Ладно тебе бабка, говорил помирать надо[.]

– Не, не Ванюшка, – пусть будет зынько и пить хотца, а свет покидать нудно[.] Вас помотреть еще хотца, внучек[.] котят моих гладить нужно, что-бы жилось им ладно.

– Бабусь, а отчего зуднит в поясничке, а у меня не больно[.] – спросит кубарик Мишка[.]

– От грехов милый, от злобы³⁰ нашей [.] – скажет и засмеется.

– Бабу, а у меня не будет больно в поясничке?

– Не будет милый, если будеш добрый, любить всех будеш [.] хороший[.]

– Ладная ты у нас бабка, – любить и тебя будем[.] – говорят сыны[.]

– Спасибо детки, спасибо[.] – и опять смеется, кудакчет, – сказки шепчет на печке ребятам.

Бабка не говорит отчего боли. Если спросиш:

– От злобы, что душу давно съели³¹[.]

Не верят ребята.

– Что-бы бабка Агафья в злобе? – Что-бы бабка Агафья в гневe? Но если можь от горя; горь у бабки было много – то можно.

Трое сынов у бабке убили – машины убили. Фабричные были. Ну и задохлись. Кровью горлом ходили и сохли; – как сохнет море[.] текуя. И сыны ссохли.

Не стало.

– Не, не от этого боли. Бабка дрова пилила. Давно это было, как в сказке— были. На бар крепостные робили. Деревья брала она с духу, большие-большие, одна таскала. Ну[.] может[.] и надорвалась.

Другой сын кажет.

– Вот от чего боли. Отец еще баил. Дерево большое пилили, как сто их – оно и упало, да верхом ударило бабе, тогда Агашке[-]смеюге, накатке.

И перестала Гашка смеяться. Стала ходить к знахаркам. Превращалась в Агафью. Детей родила, страдала, – а боли не унимались. Так семерых родила. Решила:

– Пойду по святам, по монастырям и землям.

---

²⁶ *Еще* вписано от руки после зачеркнутого машинописным способом *ЕЩе*.

²⁷ *Чем других изв* впечатано над строкой вместо зачеркнутого от руки *большое горе*.

²⁸ Испр. По смыслу, в документе *большая*.

²⁹ *Оот* подчеркнуто от руки.

³⁰ *Злобы* впечатано над строкой вместо зачеркнутого машинописным способом *грехов*.

³¹ *Перед съели* от руки вычеркнут несколько букв *нрбз*.

И пошла³² Аграфена. Где, и сколько ходила, не знали. Не говорила. Только пришла уже к сынам бабкой, да с той-же болью в пояснице.

Узнала[,] что померли детки. Трое. Отвернулась, ничего не сказала. Только³³ еще сидеватей стала, да перестала ходить в церковь. Говорили:

– Рассердилась бабка Агафья на бога[.]

Хотя никто и не знал толком

– Какую большую обиду³⁴ вынесла от него Агафья?³⁵

А Агафья все-же молилась. Но только за сынов, за деток, за внучек – себя пропускала.

Так и жила-б бабка Аграфена до смерти, если б...³⁶

Но об этом в следующем сказе[.]

II.

Был в городе Симбирске старый бородач учитель Ульянов³⁷, смотритель народных училищ, – не³⁸ земель, не домов[,] неимущий.

Были с женой³⁹ у них дети: – сыны да бабы[.]

Бабы: Александра и Марья[.]

Сыны: Александр, Владимир и Дмитрий. Трое.

Жили кустом, дружно. Никого не обижали. И их любили крестьяне – простые такие, наши, родные.

Старились сами. Зато росли дети. А выросли, стали фалангой и назвались: – революционеры; – что за народ всегда болели, за него страдали.

– Дети хоть куда[, –] говорили крестьяне, хоть и мало знавали. На ощупь, по чутью⁴⁰, брали.

Царь, Александр III, что любил пить водку и вешать – проведаль:

Есть Александр Ульянов, что за народ болеет. Поймал его и с другими такимж повесил.

Тогда поднялся СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ ВЛАДИМИР⁴¹. Встал. Посмотрел и запомнил.

И еще больше полюбил народ и дело, а назвался ЛЕНИН[.]

что весь мозг свой и большое сердце подарил рабочем людям.

Этот не пошел один. Он созвал народы и держал на вече реч к всему простому люду. Показал он на картине деда, бороду⁴² носил⁴³ что⁴⁴ как кудряву рошу[,] роздал по сердцам всем, а после баит:

³² Испр. по смыслу, в документе *понла*.

³³ Испр. по смыслу, в документе *тоько*.

³⁴ Буква *б* вписана от руки поверх буквы *д*.

³⁵ Знак вопроса вписан от руки.

³⁶ Здесь и далее уточния документа.

³⁷ Здесь и далее так в документе, должно быть *Ульянов*.

³⁸ Здесь и далее так в документе, должно быть *ни ... ни*.

³⁹ *С женой* вписано от руки над строкой.

⁴⁰ *По чутью* вписано от руки над строкой.

⁴¹ Здесь и далее заглавное написание документа.

⁴² После *бороду* от руки вычеркнуто слово *нрбз*.

⁴³ Буква *л* вписана от руки поверх буквы *нрбз*.

⁴⁴ *Что* вписано от руки над строкой.

– Он всех лучше. С ним пойдем мы. С ним не пропадете. Но не бог он, просто умный.

И призвал к восстанью, против кучки зубров, что большую землю топчат, рвут на части. Давят, кровь сасут из работеев.

Ему поверили[.]

– Нашему, земляному не поверить?

– Этот не соврет и не обманет[.]

– Потому что большелобый[.]

– Сердцелюбый[.]

– И ученый.

Ленин крикнул:

ВОССТАНЬЕ!!!⁴⁵

Встал у изголовья и повел народы. Долго вел. В конце побили⁴⁶.

– Для того он и назвался Ленин[.]

– Ленин не подгадит.

После стал и правил. Выбрал большелобых парней – партию создал он. Он создал советы. Вместе, сообща что-б ладить.

Много дела делал. Много.

Все считал на счетах:

– Что кому осталось, надо.

Раздавал. Ругал. И гладил.

Дело.

После как устал, не доглядели просто, как и все, чудно немного даже, ПОМЕР.

Никто не верил.

– Ленин помер? Этот нет, не может.

И сейчас не верят.

А ведь он оставил дело и свои заветы. Он просил скорей исполнить. Строгий, скажет надо – надо сделать!⁴⁷

– Непременно надо.

Если правда помер Ленин и оставил дело и заветы, – то исполним [–] отозвалось эхом.

– И заполним все проталы⁴⁸[,] что до этого бывали.

И валили к делу. Много. Много.

Ленин помер[,] но он жив на деле зовом.

А лежит он в мавзолее.

III.

На село приехал Петька[-]комсомолец. Сам фабричный, – там в Москве работают. Петька к парням. Раз зашел к товарищу Ванюшке, Аграфены бабки сыну. Заселся, говорил все, много, ладно.

Уши в трубку, слушали крестьяне[.]

– Петька, правду трепешь, не смущаешь?

⁴⁵ Восклицательные знаки вписаны от руки.

⁴⁶ Так в документе, возможно, должно быть *победили*.

⁴⁷ Восклицательный знак вписан от руки.

⁴⁸ Проталы вписано от руки над строкой вместо вычеркнутого *пробелы*.

– Вот еще[.]

– Ну ладно, баиш дальше.

И опять вбирали уши, пили будто чай в накладку.

Петька говорил о власти. Что она самих их. А потом завел об Ильиче.

О том знакомом, что когда[-]то мельницу у них поставил. Говорил о том, как жил он просто, что он сделал для рабочих, как крепил союз рабочего с крестьянством[.]

Рожи расползались в улыбку.

– факт он нашин[.]

– факт такой он с нами[.]

– ладный парень, землеродный[.]

– хорошо зерно на поле[.]

Петька дальше махом:

– А сейчас он помер. И недавно.

Говорить не дали. Заголддели. Гудом:

– БРЕШЕШ[.]

Петька богом клясться, хоть не верил в бога. Для увера – показал газету⁴⁹.

Тут поверили, но мало. И прочли, прослушали газету смерти. Читали и ревели⁵⁰: старики ходили в сенца часто, бабы наклонялись, в подолы сморкались⁵¹[.]

А прочли, – решили:

– Отослать проверить, что то тут... неладно...⁵²

Печка выпустила жало, туловище бабки Агрофены. Бабка слушала, копала уши[.] чтобы⁵³ лучше слышать, больше слышать. Нанизала как на нитку рыбу – речи. Долго слушала и заключила, после, как сказали умер, что лежит он в мавзолее, не гниет он[.] не воняет – он святой. Тот самый, что один могущий уничтожить боли в поясице.

Долго ждала бабка. Для того не помирала. Бабье сердце говорило: Погоди⁵⁴. Ще рановато.

Слезла бабка Аграфена с печки. Вышла в сенцы, Петьку поджидает.

Вышел Петька. Аграфена:

– Петя, милый, а к нему прийти⁵⁵[-]то можно?

– Можно[.] бабка[.]

– Каже?

– Просто, – жарь в Москву, а тамо спросиш: где и как лежит Ульянов Ленин[.]

– Ленин[,] Петя?

– Ленин. Самый больший человек, бабка.

И пошел[.] оставил бабку. Бабка в избу. На две стороны поклонь, – реч такую:

⁴⁹ Знак тире в середине предложения вписан от руки.

⁵⁰ Знак двоеточия после *ревели* вписан от руки.

⁵¹ После *сморкались* от руки вычеркнуто слово *нрбз*.

⁵² *Неладно...* вписано от руки.

⁵³ *Чтобы* вписано от руки.

⁵⁴ Перед *Погоди* от руки вычеркнуто слово *нрбз*.

⁵⁵ Испр. по смыслу, в документе *прйти*.

– мужички[.],
– бабоньки[.],
– ребятки[.],
– старая я очень стала. А его-то не увижу, каже⁵⁶? Пустите миром, делегаткой⁵⁷. Загалдели:

- Старая ты[.] бабка Аграфена, не увидиш, не расскажеш [.]
- Ничего, глазеет[.]
- Верно, бабку Аграфену[.]
- Бабка смыслом[.]
- Бабка умна[.]
- Бабку, бабку[.] –зашумели ребятишки⁵⁸[.]
- Бабку[.]

Так на том и порешили; бабку посылали с раз[ъ]яснен[и]ем, поспросить, ответить:

- Правда ль Ленин бают в мавзолее, и от туда продолжает править.

IV.

Долго ехала Агафья. Все в окно глядела – как-бы не проехать мавзолея. Ведь сказал же Петька, что он самый больший, ты его увидиш.
И когда подъехали к вокзалу и Москва встречала; бабка сразу молодую, первой из вагона. Пошегала.

Я увижу, он большенный.

Вышла. Площадь, что твое большое поле. Люди, что на праздничной гулянке – масса. Ходят, бегают, катают. Бабка стала.

- Где же Ленин? Может не достала? Рано слезла?

Подошли ребята⁵⁹:

- Бабка, отвести штоль?
- Не, сама шагаю. Вы вот лучше бабке байте, где лежит Ульянов?
- Бабка, к Ленину тебе что ль⁶⁰?
- К ему [.] милый...⁶¹
- Так иди вот так, все прямо. Дальше спросиш.

Пошегала. Так и шла дорогой бабка, как не спросиш, Ленин-ли, Ульянов, всякий⁶² скажет. Удивлялась:

- Как все знают. Значит был высокий. Все видали.

И шагала. И глазела.

Вот и площадь. Пара дядек с пальцем. Палец прямо. Бабка[.] как казал тот палец[.] смотрит; домик, так себе хибара, а над домом сверху надпись.

Бабку выучили читке. Вот теперь и пригодилось. По складам сама читает:

- ЛЕ-НИ-Н ЛЕ-НИ-Н[.]

⁵⁶ *Каже* напечатано как *какже*, затем вторая буква *к* вычеркнута от руки.

⁵⁷ Буква *й* вписана от руки.

⁵⁸ Знак тире вписан от руки.

⁵⁹ Знак двоеточия после *ребята* вписан от руки.

⁶⁰ Частица *ль* вписана от руки.

⁶¹ Знак многоточия вписан от руки.

⁶² Буква *й* вписана от руки.

Закричала:

– Вот он, вот он, вот он[,] родный
и пустилась к мавзолею. У дверей остановили[:]

– Пропуск?

Я к нему же, к Ленину, пустите[.]

– Пропуск надо[.]

Бабка стала. Удивленье. Смотрит.

– К нему пропуск?

– Ты что[,] бабка, из деревни?

– Ну да[,] милый, из Пахомки[.]

– Так иди туда вон. Показали. Там тебе дадут бумажку, с ней и шпарь сюда вот[.]

Зашагала бабка. Заворчала:

– Без бумажек посмотреть не можно. Уж его[-]то.

Пропуск дали, как узнали из деревни дальней. Но смеялись, ох и хохотали, как сказала, что приехала узнать всю правду:

– правда ль[,] умер Ленин.

Бабку с пропуском пустили. Опустилась. Увидала: гроб на возвышеньи, красный⁶³[,] с четырех сторон солдаты[.]

– Сдся даже⁶⁴ не дадут ему покою.

Было бого⁶⁵ помянула, да сказали[:]

– В бого он не верил и не любит поминаний. Утерпела.

Бабка стала, растегнула шубку и пошла. С этого началось.

Подошла поближе, увидала[.]

– Экий гололобый, бледен очень. Строгий.

Осмотрелась. Потом мигом юбку кверху подтянула и хотела... да остановили⁶⁶[.]

– Что ты[,] бабка, что ты, ашалела. Что ты хочеш?

– Поясничкой приложиться. Как же[,] милый, сорок лет она болеет[.]

– Что ж ты хочеш?

– Боли что б остановились. Он ведь может. Он ведь лечит.

– Ах ты[,] бабка, ах ты старая. Да ведь Ленин[,] как и ты[,] такой же человекий, не святой он[.]

– Знаю милый. Он особенный[,] святой-то. Те не лечат, я ходила.

– Стой ты[,] бабка. Сам и он не лечит. Но он дал всему народу: лечебницы, больницы. Там вот вылечат твою больную поясницу. Поясница у тебя что ль в боли?

– Поясница[,] милый[.]

– Вылечим, неправда. Ленин так велел, что б весь народ лечили.

Идем[,] бабка[.]

– [По]стой; дай поклон оставить.

Подошла сказала:

⁶³ Буква *й* вписана от руки.

⁶⁴ После *даже* вычеркнуто несколько букв *нрбз*.

⁶⁵ Здесь и далее так в документе, должно быть *бога*.

⁶⁶ Испр. по смыслу, в документе *остановиои*.

– Привет тебе старый, ото всех крестьян Пахомки. Дальние мы...
Простившись зашегала с важным. К самой Ленинской больнице.

V.

Через месяц возвратилась бабка Аграфена. Боли стали. Бабка молоде[.] Созвала крестьянов. Полна изба наволילה слушать. Говорила:

– ЛЕНИН УМЕР, ЭТО ПРАВДА. НО ЖИВЕТ ОН С НАМИ, В КАЖДОМ [ИЗ] НАС
КТО СЕЕТ,
КТО КУЕТ,
В КАЖДОМ ЛЕНИН РАБОТЕЕ.

[...] /V-25.

А. Юрцев⁶⁷

РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 765. Л. 294–300. Подлинник (?). Машинопись.

Источники

- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 758, 764, 765.
1917 год в деревне (Воспоминания крестьян) / сост. И.В. Игрицкий; предисл. Я.А. Яковлева. М., 1967.
1917 год в деревне. Воспоминания крестьян / сост. И. В. Игрицкий. М., 1929.
Акульшин Р. Три сказки: Гражданская война и Ленин в народном творчестве // Новый мир. 1925. № 11. С. 120–122.
Апокрифические тексты, оригинальные сочинения духовной культуры и памятники народного суеверия в собрании Государственного архива административных органов Свердловской области / публ. подготовили А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 76–77.
Война крестьян с помещиками в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. Я.А. Яковлева. М., 1926.
Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.
Гринкова Н.П. Воронежская сказка о Ленине // Ученые записки Государственного педагогического института имени А.И. Герцена и Государственного научно-исследовательского института научной педагогики. Л., 1936. Т. II: Факультет языка и литературы. Вып. I. С. 319–325.
Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева (1906–1922 гг.) / подг. В.В. Морозов, Н.И. Решетников. М., 1995.
Дневные записки усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902–1953 / подг. текста Т.Ф. Волковой, В.В. Филипповой. М., 1997.
Красная новь Крестьянство на переломе (1920-е). М., 2017.
Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С.С. Крюкова. М., 2001.
Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002.
На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 / подг. М.И. Мильчика, М.А. Шумар. М., 1997.
На фронт и на фронте: сб. воспоминаний / сост. М. Афонин и А. Юрцев. М.-Л., 1927. 146 с.
О партийной и советской печати: сб. документов. М., 1954.
Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты»: материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов. Смоленск, 2011.
Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. и с предисл. Я.А. Яковлева. М., 1927.
Сейфуллина Л. Мужичий сказ о Ленине // Красная новь. 1924. № 1 (18). С. 162–169.

⁶⁷ А. Юрцев отчеркнуто машинописным способом.

- Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях: 1929–1933 гг. М., 2002.
- Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов. М., 1994.
- Хандзинский Н. «Покойнишний вой» по Ленине // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. III–IV. С. 53–64.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Азадовский М.К. Ленин в фольклоре // Памяти В.И. Ленина: Сб. ст. к десятилетию со дня смерти. 1924–1934. М.–Л., 1934. С. 881–897 [Azadovskij M.K. Lenin v fol'klоре // Pamyati V.I. Lenina: Sb. statej k desyatiletiju so dnya smerti. 1924–1934. M.–L., 1934. S. 881–897].
- Архипова А., Неклюдов С. Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–103 [Arhipova A., Neklyudov S. Fol'klор i vlast' v zakrytom obshchestve // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 101. S. 84–103].
- Белая Г.А. Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. Ч. 1: В поисках активности стиливых форм. М., 1977. С. 17–150 [Belaya G.A. Zakonomernosti stilevogo razvitiya sovetской prozy dvadcatykh godov. CH. 1: V poiskah aktivnosti stilevykh form. M., 1977. S. 17–150].
- Богданов К.А. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009 [Bogdanov K.A. Vox populi. Fol'klornye zhanry sovetской kultury. M., 2009].
- Быкова С.И. Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2013. № 4(3). С. 128–134 [Bykova S.I. Vozhd' kak vrag: negativnye konnotatsii obraza I. Stalina v predstavleniyah sovremennikov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo. 2013. № 4(3). S. 128–134].
- Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403–431 [Ivanova T.G. O fol'klорной i psevdofol'klорной prirode sovetского eposa // Rukopisi, kotorykh ne bylo: poddelki v oblasti slavyanskogo fol'klora. M., 2002. S. 403–431].
- Йокояма О.Б. Письма русских крестьян: тексты и контексты. В 2-х тт. М., 2014 [Jokoyama O.B. Pis'ma russkikh krest'yan: teksty i konteksty. V 2-h tt. M., 2014].
- Кабанов В.В. Собрание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 182–187 [Kabanov V.V. Sobiranie i publikatsiya v 20-h godah krest'yanskikh vospominanij ob agrarnoj revolyucii i grazhdanskoj vojne v Rossii // Arheograficheskij ezhegodnik za 1984 god. M., 1986. S. 182–187].
- Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: дис. ... д.и.н. Самара, 2005 [Koznova I.E. Istoricheskaya pamyat' rossijskogo krest'yanstva v НКН veke: dis. ... d.i.n. Samara, 2005].
- Кузнецов И.А. Письма в «Крестьянскую газету» как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х годов: дис. ... к.и.н. М., 1996 [Kuznecov I.A. Pis'ma v «Krest'yanskuyu gazetу» как istochnik dlya izucheniya mentaliteta rossijskogo krest'yanstva 1920-h godov: dis. ... k.i.n. M., 1996].
- Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978 [Mushchenko E.G., Skobelev V.P., Krojchik L.E. Poetika skaza. Voronezh, 1978].
- Орлова Г. Организм под надзором: тело в советском дискурсе о социальной гигиене (1920-е годы) // Теория моды. 2007. Вып. 3. С. 251–270 [Orlova G. Organizm pod nadzorom: telo v sovetском diskurse o social'noj gigiene (1920-e gody) // Teoriya mody. 2007. Vyp. 3. S. 251–270].
- Панферов Ф. От селякора к писателю // Крестьянский журнал. 1926. № 10. С. 15 [Panferov F. Ot sel'kora k pisatelyu // Krest'yanskij zhurnal. 1926. № 10. S. 15].
- Панченко А.А. Культ Ленина и советский фольклор // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 344–366 [Panchenko A.A. Kul't Lenina i sovetский fol'klор // Odisej. SChelovek v istorii. M., 2005. S. 344–366].

- Пяковский А.В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. Л., 1930 [Pyaskovskij A.V. Lenin v russkoj narodnoj skazke i vostochnoj legende. L., 1930].
- Русский политический фольклор: исследования и публикации. М., 2013 [Russkij politicheskij fol'klor: issledovaniya i publikacii. M., 2013].
- Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997 [Tumarkin N. Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoy Rossii. SPb., 1997].
- Хлебцевич Е. Собрание произведений устного творчества рабочих, крестьян и красноармейцев о Ленине // Коммунистическое просвещение. 1924. № 1. С. 117–118 [Hlebcevič E. Sobiranie proizvedenij ustnogo tvorchestva rabochih, krest'yan i krasnoarmejcev o Lenine // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1924. № 1. S. 117–118].
- Шмид В. Нарратология. М., 2003 [SHmid V. Narratologiya. M., 2003].

Грамотчикова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, n.gramatchikova@gmail.com
Литовская Мария Аркадьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, marialiter@gmail.com
Михалев Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории и археологии УрО РАН, n.mikhalev@mail.ru
Суржикова Наталья Викторовна, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт истории и археологии УрО РАН, snpvplus@mail.ru

“A Tale about how Lenin cured old woman Agrafena” historical and literary mystification and its meanings

The publication actualizes the problem of finding ways and forms of dialogue between the Bolshevik government and the countryside that revealed itself in the 1920s. The translation of the new political regime's ideological guidelines into a language understandable to the peasant demanded that a “conversation” with the countryside be established, which led to an increase in the number of self-descriptive narratives of the villagers. Along with this, however, pseudo-folklore works created by professional writers began to appear. The example of one of them, “A Tale about how Lenin cured old woman Agrafena”, demonstrates that the functionality of such historical and literary hoaxes consisted, among other things, in taking shape of V.I. Lenin's posthumous mythologized image. Analysis of the retrospective source shows that by the mid-1920s, this image in general has already been outlined, but it was not convincing in its details. Being a transitional phenomenon, “A Tale ...” captures travesty of the sacred and the profane that would be impossible later, it also indicates the lack of formulation of current and future propaganda guidelines. In addition, this retrospective source is interesting and important as it embodies a premonition of the impending total Sovietization of the peasant world, which ideas have already been leaked into public space.

Keywords: ego-sources, peasant world, “folk writing”, historical and literary mystification, pseudo-folklore, modernist aesthetics, Lenin cult, religious discourse

Natalia B. Gramatchikova, Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), n.gramatchikova@gmail.com
Maria A. Litovskaya, Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), marialiter@gmail.com
Nikolay A. Mikhalev, Candidate of Historical Sciences, Academic Secretary, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), n.mikhalev@mail.ru
Natalya V. Surzhikova, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), snpvplus@mail.ru